

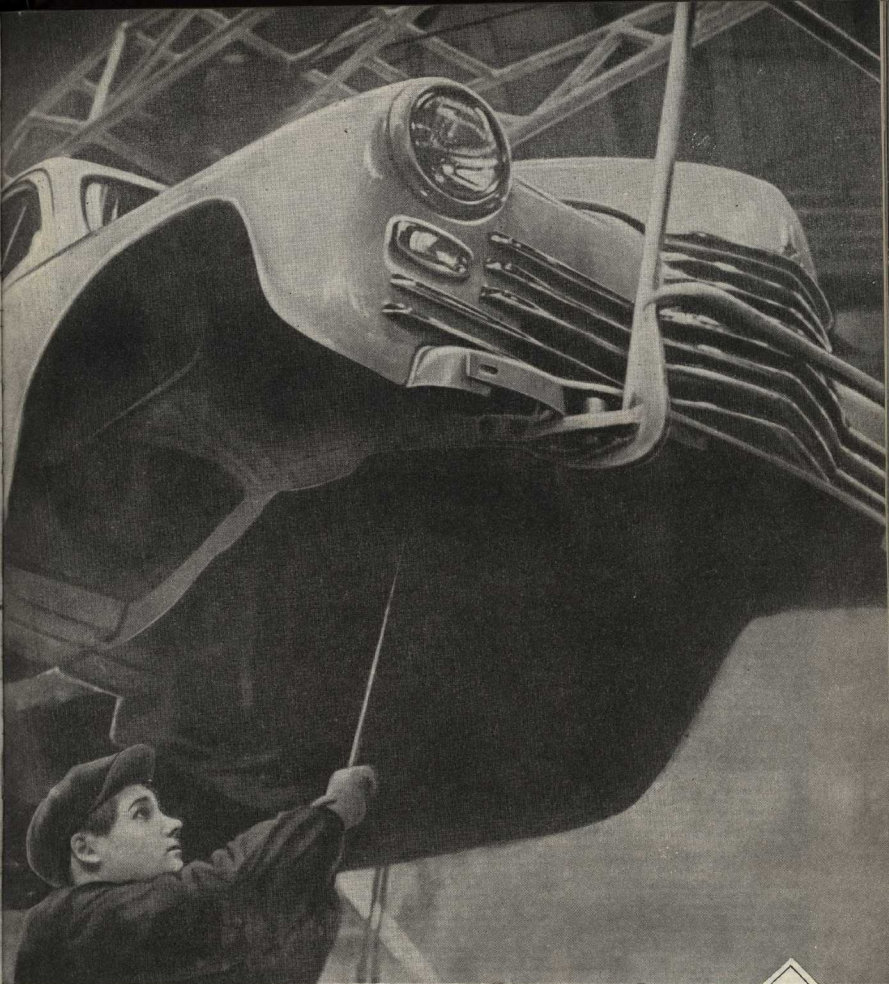

СМЕНА

19

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ Октябрь, № 19 1947 год

Год
издания
24-й

Шош

Мне на этом свете много дано,
И иду я,
Иду по свету.

И пляшет по реке
Золотой венчик,
И горят на земле
Самочеты.

И дано мне
Высокое небо,
И весенние
Ясные ночи,
Чтобы шел я туда,
Где не был,
Чтобы если грустил,
Так не онемел...

А вокруг
Большая земля.
И она называется
Родиной,
Ее реки,
Леса,
И поля.

Неизведанные
И непроданные.

Мне даны
Ее юные песни,
Я их в сердце мой берегу.
Значит, крепкое сердце! И если
Я упаду неизбежно —
Все равно ведь
Останутся песни,
Их подхватят на берегу.

Понесёт над землёю ветер
Далеко-далеко от смерти.
Далеко, далеко,
Где дороги
Все гудят и гудят
Без слов,

И где солнце лучами трогает
Голубиный городок.
Баю, сердце,
Горячую кровью,
Солнце, ярче, сильнее свети!
Поднимаю я тост
За здоровье,
За здоровье того, кто в пути!

За здоровье того, кто в пути,
Кто ведёт по земле
Керазаны,

Чтоб легко ему
Было идти
Сквозь суровые
Горны
Страны.

В небе звезды
(Какие звезды!),
Но своей не щипи
Звезды.
Кемуду в руки
Роздан
Ветер
Его
Судьбы!

За здоровье того, кто в пути!
Пусть он даже
Не знает об этом.
В этот час,
Чтоб светлее идти,
Полыхнет ему небо
Рассветом!

Пусть ещё идти и идти.
Ничего.
Зато сколько пройдено!
За здоровье того, кто в пути, —
Это значит за всю мою Родину.

Юрий НАГИБИН, Орест РОВИНСКИЙ

НОВАЯ УЛИЦА

Давно ли чистая вода Сейма, обозначившие участок «Курский дуги», озарились по ночам то голубоватым, то розовым трепетным светом медленно гаснущих ракет?

В такие ночи взошло большое левобережного села Ваничи жемчуж в сморном испуге в погребах и картофельных ямах. Осаждали рядом с тремя тополями, шумящими сероберстой листвой перед семью окнами хаты Фёдора Ильича Коросталева, вырос ветвистый с огненным основанием куст вяза. Широколапая пламя взметнулось под застреху, жалю и лигуню осоломнелую крышу — и хата запылала; листвы тополя попередили, свернулись пелом от жары, стволы с одной стороны зарделели, обуглились. Шапка горюшей комоны перекинулась ветром на соседнюю избу, и вскоре рынок из сада в реку бунтующего огня, и река эта запыла собой в пустом мраке ночи голубовато-розовое робкое сияние Сейма.

До чего же больно, до коматы в груди больно больно смотреть, как гниют огнем дома и нежитое трудом добро; из погребов неалья было выскочить: вся улица то тем, то здесь порывалась гуштром снарядных взрывов.

Давно ли это было? ..

Сомне медленно ниспадает за флюатовый край горизонта, золотые банки лежат на потускневших куполодах старой церкви, а над колокольней околочившимся бланком висит новорожденный тощий месяц.

Праздник. Улица кипарично многолюдна, на завалинках сидят старухи в цветастых платках, окруженные многогласными гвалтишином порывом стирки, степенно покуривая кренки, заборный салат, ведут неспешные беседы. Гуляника ещё не началась: парни и девушки держатся пока отдаленно, разблещены на кулики. Промочит с промачившей, словно нехоты, кивает дамы по клавианной гармонии, девчата лущат подсолнухи.

перекладывая смелыми замечаниями. Их змеены, красивые, жалтые платки, по-горлому акроены, горят пожарным пламенем.

Ванчики тянутся на семь с лишком километров по-над запылив лугувиной Сейма. Извещено, что долгое время стоял тут фронт. Но — странное дело — ничего не приметно следов многих испепеленных здесь дворов. Хаты-четырёхстенки ровно тянутся по обеим сторонам широкой, кое-где измятой улицы.

То там, то здесь вымалются среди них и вовсе новые, свежей лобажки избы, с ещё клочковатой, не смойтой временем соломенной кровлей.

— Кто строит?

— Да тут старичок один, — отвечает хохлика, лениво махнув рукой в конец села.

Другая изба только что оштукатурилась.

— Кто строит?

— Дед Фёдоров! — охотно откликается деторо.

А вот и сруб. Он пусто пахнет бором, сосиной; на вокрыках палочная крошка, сиянет пятаки сучья на светложётой древесине.

— А этот дом кто строит?

— Ильяч! — с уважением в голосе отзывается женщина, любовно вздымая на своё будущее ладное жилище.

Вотгаты же строятелами Ваничи!

И возле старого домика, где помещается правление колхоза «15-й съезд Советов», раздается дробный постул топора, то глухой, как бы в полотно, то осыпавшийся в высокий звон. Кто-то трудится, несмотря на праздник.

— Наверно, много у вас плотников в селе?

У предостелем колхоза Романа Артевича Киселева лицо тронулось весельем.

— Фёдор Ильяч! — кричит он, пододвигая к столу, простолу сруб. — Скажи милость, поди сюда!

Стук топора смолкает. Через минуту,

открыл руки о голубоватую выцветшую рубашку, вываливается малярник, подобростый старик с торчкатыми, осыной светлости волосами и салмаи рыжеватыми усами, ослупанными кизну, как у картинного запорожца.

Объявляется, «дед Фёдоров», «старичок один» и «Ильяч» объединяются в одном лице предвещают перед нами колхозного плотника Фёдора Ильича Коросталева. Впрочем, он возражает против единоличной салмаи:

— Не во мне дело... Артевич работала...

— Знамо, артевич, — соглашается Киселев со свихсодительной удышкой. — А только к ты всему човою. Кроме того ты и собственноручно вози сколько хат построил!

— Бывало, что и сам, — с любовьюном шурит гавз Коросталь.

Корывами, до быстрыми, ладными пальцами свёртывает он шпатель. Ноготы на большом пальце сплещен и раздвоен: в молодости, когда ещё не учён был, привалы топоршком. Осталье мета на веж живить. Затнущивши и выключив голубоватый дымок, говорит:

— Шутка ли, сто пятнадцать две хаты построилоси И плавное, от моей зинялось. И с того и погуля себе вроде как виновным. «Авдно, — думаю, — ничего, бмы бы руки, а дома будут!» Ну и конечно, как немца погнал, и вылез из тамы, так и почла плавновать насчёт стройки. Уминском раскнута, с чего и как начать, Советская власть настрелку пошла — лес отступала, сколько надо.

Наперёд и один строил, на избу сороз дён положено — бывало, и в тридцать стюла. После подобрал артевич, ниток човолю: дело быстрее пошло: за неделю — хата. Учинович съехал шустры, смышалоси. Взял вот Шатрёнка... Эй, Васяч!

Мм окличет, вот зинича выкрасит паренёк, а видям омыдного стираника. Василья Витчинова, по прозвищу «Шатрёнок», лет уже на пятьдесят ему далеко; к воевде тож буда, пластинком ста...

— В таком же роде и другие чеворо. Дружно отдалаи вот уже пятьдесят семь

Фотохуд. И. Красцкого

чотархетенок, ставили и ягитсинок. Что же ещё сказать? Дело простое. Хата готова — кладви в карман поковыря тыщи рублёв с хозяина и от колаха восемьдесят труполов. Жить можно!

Фёдор Ильич, невозможно расцелов, выпачкивает грудь и ладно чуть прищипывает молодца во своих коротких ноггах, обухав в бурки.

— Зачем ты на себя наговариваешь, Ильич? — вступил в разговор пожилая женщина в белом с застиранными василёчками платке. — «Полаты тыщи!» А разве ты с меня взяла хоть копейку? — А что с тебя взять-то? Влово, семеро писклят.

— А с Амосовой взяла? — спрашивает Киселёв.

— Да ладно! — отмахивается смущенно старик. — У неё муж на фронте погиб, олять же дети... Куля в неё брат? Ей надо свёзка достать да помочь.

— Со многих ой зичего но брал. Дед хороший! — заключает председатель колаха с завуалированной серьёзностью, а его слово всекоже ой был партизаном в Дмитриевском отряде Веспартного, освобождая Курск, в ладно годы повина пеню людям.

— А ты рассекали им ещё — притягива к дощинуку с доброй улыбочкой пожилая женщина. — как себе а пожеланий черба хату халд. Сколько народу уже в сводки домах жажало, а он, знате ли, — обращается к нам женщина, словно собираясь уличить старика в поступке, который тот старается утаить. — ой, верите ли, со своей старухой всё в построе заперла. Да, да! Пусть-ка он об этом расскажет!

Фёдор Ильич всё более смущается: мигит в вынахды цыгарку, затряхивается так, что надылко выкивает, затем вытирает нос подоламу рубашки, обалесавшей от шума.

— Барно, коледи, что а погребе прожидва... Один вещь а бабкой. Не к спеху худа.

А когда всех удовлетворили, тогда и попросил артельных товарищей помочь и себе свёзка сложить под овна; после уже свес хату доделывал. В чюдоре света сенцы, но двора ещё нет. Итом пристроил, когда освободился станет и народу у него, может быть, прибавится. Вот сии пинеш с Камчатки, что скоро приедет жениться... Собретёте семейка...

— Вот бы, чем меня хвалить, — обращается вдруг Коростелёв к председателю — награди бы ты меня лучше путёвкой в Сочи. Очень я море люблю, ох, и большое оно! Слабо я что-то стаа, хоть и не царь... До войны послышала меня на погранку, в Сочи эту самую...

Кажется, ты в маюньях, тронутых старческой смехой галлах Ильича мелькает бирюзовый отсвет моря — так нежно прозрачно поголубели они.

— Пошёл, пошёл, да. Через годик, как совсем отстроимся.

— Да и очка своими ногами и до станции не дойдё. Ты меня сейчас пошлн, когда я ещё потанцовать могу, показале-рились!

— Ну, а если я тебе путёвку в ближайшие дни достану, поедешь? Коростелёв задумывается. Может быть, а что няктыть мелькает волеи в бахроичтой пине, горячая галка пляжа; звалитко неместовым солнцем, под которым так отрадно прогореть одряхлевшие косточки. Но это картина, эдакмо, ялестенителю другим — бланкии, несущимся. Скрыя в затлажке злэхох, говорит с твёрдостью:

— Нет. Погодить придётся. Ещё кое-что надо достроить, дорою кончить, свинарник амбары. А без того несекшою мне будет у моря. Голочек ещё потеряла. Не развалюсь! Не таковский! Вот идёте, я вам покажу, какой мы дом для правления лади.

Шагает он впереди всех бодрой раззадой, хочет показать, какой он ещё молодой, запыхавшая грудь, пошевелит краснатыми усами. Обравляет на себе чистую рубашку и задорно пошатривает на нас из-под вздыгнутых бровей.

Большой пятиэтажный сруб стоит на краю луговина, непалающей к прозрачному, перекрытому лёгким туманным стеклом Союну. Коричная русская робей Углы сложены красиво, навалом, ополниши широки, шеюру принимают солнце, от есоных холмов танет мёдом. Не очив десятков лет прожить этот дом, не одно поколение пройдёт под его высоким потолкаом. Прямия запах дома смешается с росным предвечерним ароматом земли. Сильно, под самое сердце берёт далекая германья.

Позже, уходящая нас с своей хате акуской завуличенной, старик рассказавал и о прошлом: как он с малых лет начал шло-

пичать, как точийи глазомор и умысле, хвакти руски выважог его в самостоятельные мастера. Настраля он в своей жизни столько, что если сосчитать, на голове водос не хвакти. Какую хочешь постройку может возвести.

В германскую войну, например, заводила мосты, гатта болоти, строил украински. А в ладншей войне совсем не участвовал, зато ушину всё эту самую а артелью всё вынавила, и стаа она, говорят бабы, поиче той, что прежде была. За это и уважают его.

Вот, к примеру, поичёные грамоты: четаре областных и лятая районшия. Было ещё переходившее красное знамя, только что вывела в город Львов да так и не вернула.

Вечерет, Валдисосиривные лени ползут к обману. Густеват ярмом серебристых топакой, протывающах к тебе щидро обалесанные вояги.

Мимо прохадат перни и лезушки, садущице за воспрившим да красноты лади гармонистом.

— Отгуляли! — высовывается а око Киселёв. — На молотку пора!

— Да немы же, Роман Арефьевич! Видишь, воем звеном нады! — бойко отмывается за воек лезушка в белой косылке, ползавиной по своим брови.

Ушла на ток лачия свеча, вернувшись дешман.

И долго ещё на завалинке у лада Фелиппи рассказав:

«Вы послушайте, подружки, Как ракетника гузть, Пышка, Гринчи и Соржека К нам на ушину луть...»

После трудового дняшка мождоёсь себралась повиселатиса на новой, на острошиной Ильичей уаиде, под ласковой шумог трёх топакой, произванных меланголическим лушным свизием, тех сымак топакой, что шумолаи ладси и пять лет назад; теперь они только похихалили свляга к стерору ой хатки, точно застав в минутном испуге, но всё же, выстояли, снова похихалили они густого ладнства и лишь широкие рубцы от кронь да жорней свидеаельствуют о прожвях очоках, едва не ставших лад них смергельными.

Вивичи,
Курск области

Северная стража

Рис. Г. Балашова

Дмитрий Мартынов работает грузчиком на складе.

Сразу после демобилизации из армии наехал на Север в пожарную команду, но, пристраив и сподвигшись, увидел, что грузчиком всеюде, да и заработок большой.

Был он парень сильный, высокий, волосы русые, глаза большие, внимательные. Родился под Ишимом, в селе Измайловском, на берегу Веселой, богатой рыбой рекой. До призыва в армию ни разу не довелось ему побывать в городе, хоть издавна славился Ишим на всю Сибирь своими ярмарками. Да и что ему делать в городе? Село большое, школа каменная, двухэтажная, кинотеатркая арескала чуть ли не каждую неделю, своё радио дома. Кругом лежала ровная, широкая степь, в траве стрекотали кузнечики. Высоко в небе плыли медленные, дымные облака, отбрасывая длиннущие тени на бескрайнее поле. Любил Митяка родные края, но тосковать стал. Хотелось своими глазами посмотреть на всё, что показывали на маленьком зиптопанном экране передачки, о чём читал в книгах и слышал в школе. С радостью пошёл в армию за год до войны. Но такая уж судьба у Митяки, что попал он на Дальний Восток и пять лет прослужил на одном месте, вдалеке от городов и железных дорог. Как обостил всё он в душе, что не пришло ему сыграть с немцами, и, когда началась война с Японией, не последние силками в себя самозащиты Умидел он стужу, спаднувшим зноем маньчжурскую землю, прошёл через Амурский хребет, недалеко оставалось до океана — и не удовлетворяла ещё жадного своего любопытства к жизни. Когда предложил при демобилизации поселиться на Север и показал на карте, где протекает река Колыма, он без долгого раздумья согласился.

Уже второй месяц работает он на складе. Спорно тяжело было, потом привык. Научился работать быстро и весело, как все ребята, с которыми сваяла его судьба в одной бригаде.

Но попробуй тут всеюде работать, если сегодня и покурить некогда: всё новое и новое извещия гудят у ворот склада. Подается вышка, как прыгнет она по трапсе: высокие, белые — с мешками, длинные, серебряные на солнце — с резиновыми и трубками. Маленькие желтые облачка пыли движутся за ними. За четверть километра отсюда погрузился он прямо с парохода. Митяке кажется, что они привозят с собой солёный запах моря.

— Эй, сибиряк, здорово! Тебе от одной дичины пламенный привет! — кричит Митяке бородастый шофер, высомаясь из кабины только что подхваченного шестистопного «зисса».

— Здравствуй, отвечает Митяка, балансируя стоящая на плече мешком. И улыбающийся так, что обнажаются его жранные белые зубы, густо краснеет:

Рассказ

Цель идет всё тяжелее и тяжелее...

— Что за дичина?

— Вот так тисками! Ай да Митяка! — раздаются возгласы, сопровождаемые громким смехом, слышным по всему двору.

— Да это так, богины... — говорит Митяка. Но всё-таки, отисса мешком, задерживая на минуту с шофером и спрашивает: так — А ты где её видел?

Он знает, что бородач — шутник и балагур — пожалуй, и сорвать недорого возьмёт тебя. Она ведь у нас в гараже парадничей. Обходительный так.

Митяке некогда узнавать подробности: работа не ждёт. Он снова идёт таскать мешки и думает о маленькой девушке в синем берете, с которой сидел рядом в клубе в последнее воскресенье. Бородастый шофер оказался сяди и всё время подмигивал Митяке. Девушка не сказала с Митягой и двух фраз, а потом танцовала под патефон с бухгалтером, и Митяка в первый раз в жизни пожелал, что не умеет танцевать. Конечно, трудно поехать в то, что она закончила своего случайного соседа, но сейчас Митяке всё кажется возможным. Он легко, почти извещия убеждает на вывеске штабеля и сбрасывает мешок так аккуратно, что и поправлять не надо.

Муха разругана. Хорошо бы покурить, как следует, но куда там. Во двор вылезает большая машина с площадкой, приспособленной под тяжёловое. «Нуужелда будут грузить трактор?» — думает Митяка.

Трактор этот уже около месяца стоит посреди двора, весь мешок, огромный и всеуклюжий. Разгружен он был ещё зимой талым — цемента, доброй, подвешенной на вывесочный, алое выше пахтаузов, козлак. Снизу было подетагалею несколько маленьких козель, на которые он опирался всей своей тяжестью. Но когда снег под козельки растаял и они опустелись, тяжесть трактора оказалась непосильной. Грос не выдержал и оборвался.

Машина разбрызгается и останавливается у каузонок к трактору. Из машины вылезает пофёр в институтском синем комбинезоне. Ну, конечно, это Шерстели! Кто же ещё роняется груше эту громадную?

Подходит кладовщик, хромой и немолодой уже, и о чём-то заговаривает с Шерстелиным. Тот стоит, пощипывая на носиках и кончаясь сквозь зубы, и смотрит прищуренными глазами на трактор. Их окружают грузчики.

Бригадир Пономаренко не раз мысленно прикидывал, сколько времени может занять покурить, впаиве всё же надеется, что она вылетит на долю другой, синей бригады.

— Зачем же абраз, Карп Семёныч? — обращается он к кладовщику. — Везд, все мешки задержива. Надо бы вобщю.

Пионерки

Цветное фото И. Шагина

ДЕВУШКА, ПОБЕДИВШАЯ ВРЕМЯ

Он виноват в цепь до боли в ладонях, и она, медленно повысив его усилию, чуть-чуть опускается вниз. Он переставляет её руками выше — скорей, чтобы не потерять образовавшиеся инициалы ладоней. И продолжает тянуть его всех сил. Он чувствует, как трактор сдвигается, потом колеблется под ним. Значит, он поднимается! Да, да, конечно, он уже нанес! Это придалает ему силы. Как кажется, что-то трогать наперёд, но он не задерживается на этом ощущении и — скорей, скорей! — тянет цепь. Он слышит с цепью в одно целое, и низкими силами не оторвать сейчас его от неё. От каждого его движения зависит что-то очень важное, может быть, его жизнь. Откуда-то издалеко он слышит голос Карна Семёныча: «Хватит! Он опускает руки и оглядывается. Он, как всегда, ни теперь ни раньше. Он срывает его, и когда касается руками гусеницы, чувствует острую боль в ладонях. На них глубоко отпечатались колёса цепи, рубца впились кровью, но дарить не надо. Шерстёв протизает ему яркое расшитый кусок с махоркой:

— Перекру, друг. Взгляни мы всё-таки её, прокуляту!

Трактор падает почти на метр. Карн Семёныч молча смотрит на него, потом с несознательной ему быстротой комкает к забору, где стоит пожарная бочка, и сейчас же возвращается отсюда с лопатой. Шерстёв сразу понимает, что он хочет сделать.

— А возметь ты машина? Надо козья на цепью четверть.

— Не возметь — так поможем.

Митька стоит как ошпаренный, с потухшей папироской в зубах и слышит сообразит, что же придумал лопатчик.

Через пять минут уже выкопан узкий, только чтобы уместился колёса, постепенно углубляющийся канал. Шерстёв аккуратно подкапывает по ней винтирину к трактору. Теперь нужно поднять его ещё хоть на сантиметр. Пономаренко хочет заехать на трактор, но Митька отстраняет его рукой.

— Нет уж, я начал, мне и кончать...

Спаивать цепь невозможно. Он стискивает зубы от напряжения, лицо его очень некриво в эту минуту. Её! — слышит — и колесо дёбёда передвигается на два или три зубца. Больше не надо. Митька чувствует, что находится наверху. Сейчас нужно беречься.

— Скорей назад! Не косяться там! — кричит Пономаренко вилку грузиком, убранным козла.

Влезает машина и чуть-чуть задевает площадку за гусеницы, тиль дрожит.

— Всё! — облегчённо издаклет Митька и опускает трактор на площадку.

Сейчас же машину облепляют грузики с проволочкой в ломан.

— Не заметил, догори грузики! — спрашивает Пономаренко Шерстёва.

— А чорт его знает. Молодому сработали!

Они курят, пока трактор уезжает, и Митька испытывает что-то похожее на счастье. Белые гребни сопок, долина над трассой, высокие стелбы мачки кажутся ему необыкновенно красивыми, никогда в жизни не видел он такой красоты.

Подходит бородач, заспанный и недовольный:

— Что же не разбудил меня? Давно ломы нагнута? — спрашивает он Митьку.

— Только что вот покурить сел с ребятами.

Карн Семёныч кричит из конторы шобфёрам, чтобы они шли оформлять документы на груз. — Да, чуть не забыл, пойдёте дивчине в клубе?.

Митька растерялся. Значит, не всё врало бородач по девушку. Славная она, простая и славная. Теперь-то он не будет таким дураком и понадеяется с ней.

Вернувшись из конторы, Шерстёв и бородач соединят свои машины тросом и двойной талгой выезжают на дорогу.

— А что дивчине передать? — издаклет кричит бородач Митьке.

Митька мигает рукой на прощание и идёт разгружать мучу.

Ярко сияет солнце, громко журчит вода, и Север, совсем не такой, каким его представляешь себе, глядя на карту, имеет своей интересной и напряжённой жизнью.

В жизни каждого человека бывает день, с которым связываются все самые лучшие воспоминания. И кажется, всем можно поступиться, только не этим днём.

Таким днём для Анны Кузнецовой стал один из дней ноября 1946 года.

— Подойдём делать автомобиль? — спросили её в Молодёжном райкоме комсомола.

— Я сразу согласилась, — вспоминает Кузнецова, — и не пожалела, — добавляет она, улыбаясь.

Так в этот памятный для неё день комсомолка Анна Кузнецова сделалась работницей Московского завода малолитражных автомобилей.

Каждое утро приходила она в цех, заставленный станками. Они располагались в строгом порядке. И если выходил из строя хотя бы один, сразу же нарушался ритм работы остальных. Стоять у станка — не значило ли это отвечать за весь завод!

С первых шагов труда для Анны Кузнецовой было не только физическим делом, но и мыслям. Эта мысль не была предостережением самой себе, всё время её разумно направляла.

Чем выше представляла себе Кузнецова, сколько навыков, сообразительности требует изобретное или шифровальное дело, тем отчётливее проступало в её душе чувство ответственности. Ей хотелось вкладать в труд все волю, всю торжественность, работать так, чтобы никто не мог сказать: «Работай лучше».

У заводов, как и у людей, бывает новость. На языке техники она называется периодом освоения проектной мощности. Только ведь за ним для предприятия приходит час полной зрелости. И тогда он наступает для завода малолитражных машин, тогда поավоляется всего 130 часов труда вместо нынешних 600, тогда с конвейера сойдёт готовый автомобиль. Так будет через три года. С этим сроком все связывает и Анна вместе с другими считала его тоже чем-то непреодолимим. Всегда представлялись ей десятки тысяч автомобилей марки «Москвич», которые поплывут страна в 1950 году.

Быстро изучил шифровальный станок, она завладела за революционный. В каждом из них таилась своя тайна, и чем они были сложнее, тем с большей настойчивостью овладевала ими девушка. Анна Кузнецова заметила и осеняла подруги и товарищи. Её впрямь в цеховой комитет комсомола. Затем её доверили молодёжной бригаде.

Пять книг выключил сразу пришлось по душе друге. У каждого из них был свой характер, но все они сходились в одном — всеобщей горючести в труде.

Тоя задальда Анна Кузнецова.

Теперь её предостерегла одна мысль: почему сейчас на обработку деталей уходит больше времени, чем будет уходить на неё же операция через 3 года? Значит, здесь будут стоять те же станки. Видеть, меняются люди, созреет их мастерство? Но разве это недоуменно сейчас? «Доуменно!» — решила она.

Мастер Калашник и главный технолог цеха Чилингерин, выслушав Анну, повли: ей пришла та простая мысль, которая, как и всякое открытие, может прийти тысячам, но приходит одному.

Решили начать с небольшого. Влезать за деталь, посвящую сложное название кричат пружиной передней подвески. Эта деталь проходила десять операций, и на них тратилось 82,6 минуты вместо 16,6 минуты по проектной норме.

Анна Кузнецова вместе с Чилингерин начала борьбу за выигрыш каждой секунды. Из экономии секунд вырастало искусство опережать годы. Не смущались неудачами, мастер и работница отменяли средства повышения производительности труда. В один из дней деталь рычага пружины была сделана за 16,5 минуты.

Анна Кузнецова вошла в 1950 год...

Новому трудно сделать первый шаг. Но стоит научиться увертливости, пробить брешь в старом, как оно становится победным шествием нарождающегося.

Так произошло и с почтением Анны Кузнецовой. Первой поспедала за ней её бригада.

Фрезеровщик Виктор Шилово увеличил вдвое число оборотов фрезерного станка и начал стремительно наращивать выпуск своей детали. Вместо полсотни деталей Виктор давал уже 200. Но юности диалогов ставил новые требования. Он аверья в свою работу взял техникую, 250... 300... 320... Проектная норма! Продолжая совершенствовать режим резания, он стал вырабатывать 300 деталей. Проектный расчёт тоже не оказался пределом. Сверхнормы Александр Спиридонов, токарь Владимир Салогов уже отставали от Шилова.

Узел воздушной бригады. На учёт бросало всё, каждая мелочь. Число протачиваемых деталей помогло выгадать время. Теперь переносить операцию уже можно. Ближайшее внепроектное торжество — тридцатилетие Великой Октябрьской революции. В эти дни всем хотелось вырваться вперед. Но переодержать Краснознамя Московского комитета комсомола оказалось в руках бригады Анны Кузнецовой.

— Мы ведь не подорожаем, какое дело извиним, говорит нам Анна Кузнецова, явным смущающим успехом, какой зыпал на долю её и её бригады.

Она не только смущена, но и озабочена: из 9 деталей бригады выпускает по нормам 1950 года пока только 3. Сколько труда ещё вперед! В сущности, вперед всё. Надо найти время для многого. Анна любит стихи, и её обводно, что она так мало их читает. Хотел бы она глубже изучить технику? Несомненно! Но раньше... раньше всего она пойдёт в общеобразовательную вечернюю школу.

Она застенчива и полноканно доверчива, эта хрупкая девушка, вышедшая на единообразие время и победившая его. Глядя на неё, нельзя думать о безграничных возможностях, какие таится в советском человеке.

«Штаб Октября».

С картины художника В. Кузнецова.

Бор. КАМИР

РЕЛИКВИИ ОКТЯБРЯ

В светлых залах Музея революции СССР, в Москве, собраны и бережно хранятся драгоценные документы, отображающие исторические этапы Великой Октябрьской социалистической революции. Перед глазами посетителей раскрываются неизменно陌生的 границы нашей истории.

«Большевистская партия — организатор штурма!» — эти слова предвещают разделы Музея, посвященные подготовке вооруженного восстания. Здесь представлены экспонаты, характеризующие громкие дни от февраля к Октябрю, когда партия большевиков развертывала огромную политическую работу на фронте и в тылу, готовя трудящиеся массы к захвату власти.

В картинах художников, фотоколлажах и печатных интерналах ярко запечатлены решающие моменты этого периода. Вот вернувшийся из эмиграции Владимир Ильич Ленин. На ярком плане художник изобразил его выступавшим с броника на площади Финляндского вокзала. «Да здравствует социалистическая революция!» — бросает великий вождь призывные слова в нервную толпу.

Незадолго до возвращения В. И. Ленина, в Петроград из холодной туруханской ссылки приехал Иосиф Виссарионович Сталин. И, проехав по залам Музея, мы все с существом своим ощущаем его кипучую деятельность вместе с Вячеславом Михайловичем Молотовым в центральном органе большевиков — «Превале».

Далеко на стенах Музея посетители знакомятся с Апрельскими тезисами Ленина, с материалами Апрельской конференции большевиков. Тут же, под стеклом, митинговые листовки газеты «Правда» со статьями Ленина и Сталина.

В залах Музея революции много места уделено материалам VI съезда большевистской партии (8—16 августа, по новому стилю, 1917 года). Мы видим здесь документы, написанные

рукой Ленина. Преследуемый шпионами Временного правительства, Владимир Ильич не мог присутствовать на съезде и руководил его работой из подполья.

Одно из центральных мест этого раздела занимает картина художника, на которой запечатлен образ Иосифа Виссарионовича Сталина, выступающего на съезде с политическим отчетом Центрального Комитета и докладом о политическом положении.

VI съезд наделил партию на вооруженное восстание. «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи!» — гласит слова манифеста, с которым съезд обратился к рабочим, солдатам и крестьянам.

На одной из витрин помещена резолюция съезда «О союзах молодежи». Это решение сыграло исключительную роль в развитии революционного движения молодых рабочих. Призывая «особенно создавать классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента», съезд вме-

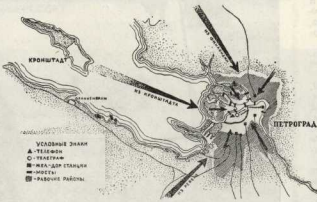
нил в обязанность всем партийным организациям уделить этому делу возможно больше внимания.

И вот с помпозной партией, словно могучие воды весны, разливается с крупнейших центрах нашей страны массовое движение рабочей молодежи. Первый социалистический союз рабочей молодежи был организован в Петроградско-Нарвском районе Петрограда еще накануне 1 мая 1917 года. Во главе его стал молодой большевик, рабочий Путиловского завода, Василий Алексеев. Уже к концу августа того же года составлялся общероссийская петроградская федерация, на которой была оформлена организация «Социалистический союз рабочей молодежи». Богатые архивные фонды Музея сохранили для нас экземпляры устава союза и портрет Васи Алексеева.

В предоктябрьские месяцы союзы рабочей молодежи возникают на заводах Петрограда и Москвы, в промышленных центрах Урала, Украины, Северного Кавказа. Уникальные фотографии, экспонированные в Музее, показывают демонстрацию Союза рабочей молодежи в Москве, на Красной площади.

Фотографии, протоколы, листовки убедительно рассказывают о практической работе членов социалистических союзов. Молодые инициативные выступили как верные помощники партии большевиков, готовившей вооруженное восстание народа. Они распространяли в массах политическую литературу, добывали оружие и сами вступали в отряды Красной гвардии.

В одном из архивных документов мы читаем: «В ту линию работы союзов рабочей молодежи превратилась в бывшие штабы формирования Красной гвардии. С утра до ночи здесь велась запись в отряды, тут же молодые красногвардейцы получали владеть оружием, изучали по-

Ленинский план вооруженного восстания.

карте расположению улиц и важнейших стратегических пунктов города».

В зале «Победа Октября» посетители Музея знакомятся с историческим письмом Владимира Ильича Ленина Петроградскому комитету РСДРП(б), написанным 8 (21) октября 1917 года. В этом письме Владимир Ильич разрабатывает план вооружённого восстания. Наглядная схема, помещённая здесь же, на стене, позволяет увидеть гонаимый Ленинский замысел и ход самого восстания, практически осуществлённого латынским центром во главе с И. В. Сталиным.

В плане вооружённого восстания почётное место В. И. Ленин отдал рабочей молодёжи.

«Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодёжь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях.» — говорится в этом письме.

И вот шаг за шагом перед нами разворачивается картина восстания. Документы хранят в себе высокий революционный накал тех дней.

Хитрые октябрьские дни семнадцатого года.

«Оттуда дрожит
взбуждённый
Смоляный.
В пистроных лентах
внизу пулемётчики.
— Вас вызывает
товарищ Сталин.
Направо третья,
он там.
— Товарищ,
не останавиваться!
Чего стали?
В бровники
и на почтаи!»
(В. Маяковский.)

Улицы Петрограда тревожны. Вооружённый пикет молодых красногвардейцев преясы в кофры. Матросы, созидавая революционный порывок, просверлят пропуск у проезжающих и проходящих. Отряды броневых машин у Смольного.

И вот решющие моменты восстания — штурм Зимнего, залп «Авроры». Надолго запомняется зрительная картина «Штаб Октября», которая показывает вождя революции В. И. Ленина и И. В. Сталина у Смольного, среди красногвардейцев, революционных солдат и матросов.

Ленинский наказ был с чёткой выполнением молодыми пролетариями Петрограда. Они шли в первых рядах бойцов Красной гвардии, занимали телефон и телеграф, вокзалы и мосты, участвовали во всех важных операциях.

Масштабы Музея революции широко отображают также участие революционной молодёжи в октябрьских боях в Москве. Здесь под руководством партии и Военно-революционного комитета молодые красногвардейцы добывали оружие, вели разведку, героически дрались на баррикадах.

В октябрьских боях 1917 года революционная рабочая молодёжь получила своё первое боевое крещение.

В огненные годы гражданской войны, так же как и новое поколение в годы Великой Отечественной войны, советская молодёжь, своим бесстрашием, мужеством, храбростью и беззаветной преданностью Родине показала, что она достойна того доверия, какое ей оказали коммунистическая партия, Ленин и Сталин.

Собранные в залах Музея реликвии Октября вызывают полнокровное волнение и чувство гордости за нашу великую страну, совершивший 30 лет тому назад социалистическую революцию, революцию, которая «открыла новую эру в истории человечества».

Отряд броневотомобилей у Смольного в Октябрские дни 1917 года. (Из фотодокументов Музея революции СССР.)

Пикет красногвардейцев на улицах Петрограда в октябре 1917 года. (Из фотодокументов Музея революции СССР.)

Слева — рабочий Путиловского завода Василий Алексеев, организатор первого «Социалистического союза рабочей молодёжи» в Петрограде; сверху — титульная страница программы и устава союза.

Проверка пропусков революционными матросами в Петрограде в дни Октябрьского вооруженного восстания.

Октябрь в Петрограде. «Захват почты». С картины художника Павлова, находящейся в Музее революции СССР.

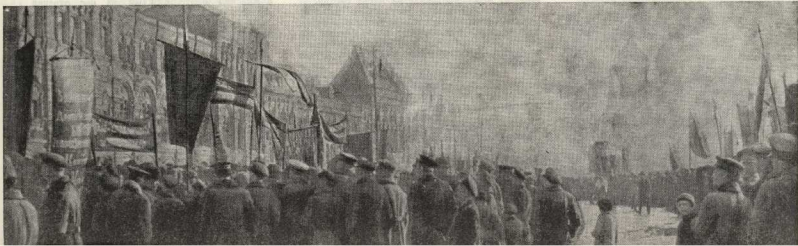
Демонстрация Союза рабочей молодежи в Москве, на Красной площади. (Из фотодокументов Музея революции СССР.)

Матрос Балтийского флота Эдуард Янович Нгу служил на минном заградителе «Амур». В Октябрьские дни 1917 года он участвовал в великом вооруженном восстании за власть Советов. В рядах красногвардейцев брал Зимний дворец. Был при аресте контрреволюционного Временного правительства.

Вместе со всем нашим народом прошел свой путь Большевик и тов. Э. Нгу. Участник Великой Отечественной войны, он сейчас командует одним из боевых кораблей Балтийского Военно-Морского Флота.

Мы воспроизводим хранящиеся в Музее революции два снимка Э. Я. Нгу: верхнее фото относится к периоду, непосредственно предшествующему Октябрю, фото внизу сделано в наши дни.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ ЗАБЬ НИКОГДА

ИЗ ЗАПИСЕК ВЫШЕГО КОМСОМОЛЬЦА

Секретарь военного комитета комсомола вселенной куршанской парусной Яэна Сейбэн подробно разъяснил нам причину вызова. Наш Гдовский уезд должен выслать десять человек, а всего из Петрозаводской губернии требуется на флот 450 комсомольцев. Шефство над флотом принимало реальные, деловые формы.

— Сегодня был в школе, — говорит секретарь. — Там только из одного Гдова уже собралось около 50 человек. А дальше — Ленинград, Черниговская спичечная фабрика, рыбаки? Много ребят желает понасть во флот, но не каждому будет дано такое почетное право. А как мы двинем ребята, может ли наша команда выдержать в уезде подкачать и при наличии четырех рыбацких яхт не дать комсомольцев флоту? Поэтому я... — Яэна присоинился, тихо вымучива дохматы чужим и ткнул мне пальцем в журнал, что тебе и Василию стоит идти во флот. Ребята вы здоровые и к тому же рыбаки. Если будут ваше согласие, — повторил, дело абсолютно добровольное, — то пишите заявления. Если хотите посоветоваться с домашними, не возражайте. Но ответ не позднее завтрашнего вечера.

Заявления были написаны ту же, и десять минут спустя мы уже находились на главной осяевой дороге к месту в деревне.

А через неделю в городском клубе состоялся проводы. Прошальной речи удался на салву. Говорили речи, читали стихи, вручали подарки.

Комсомольцы Глова дали нам наказ: служить честно и добросовестно, всегда помнить о высоком звании комсомольца. Мы заверили товарищей по работе, друзьям, выходящим из их наказ, твердым будет наше комсомольское слово.

На пересыльном пункте в Петрозаводье собрались дружино, киндшеры, фландряне, крошнатины, прибывали понемногу и питерцы. Ребята, ещё не знакомые друг с другом, гулялись по районам и уздам. В широкие двери входили всё новые группы с котельниками и чайниками.

— Где тут, братцы, Выборский район? Быстро узнали адрес друг с другом, по-братски делили домашнюю снесь. В тот же день мы узнали, что все петрозаводские слуги на Черноморский флот.

На Московский вокзал пришла провозная масса тысяч комсомольцев. По Невскому проспекту шла широкая колоннающая со знаменами. Два оркестра, сменяя друг друга, бросали в морозный воздух звуки военных маршей. Колыхались над головами флажки рыжих факелов. С тротуаров глядела на нас разношерстная вечерняя толпа. А когда устали оркестры, мы вели:

«Лейся, песнь моя, комсомольская,

Берегись, Анитана! мы едем на море!»

В пассажирском зале вокзала встретились те моряки. Митинг устроили прямо на улице.

Подали шезлонг. Телушки украсили кумачевыми лозунгами, ельником, портретами. Начальник шезлонга громко комсомольцев:

— По вагонам!

В Москву приехали только к вечеру: шезлонг в вагоны стоял на крупных станциях. Оставив в вагонах личное, шумно вошли в вагонный вагон, где нас уже ждали представители Центрального комитета комсомола. Короткий митинг, горячие приветствия — и снова в путь, на юг, к Черному морю.

На Севастопольском вокзале встретили почетный караул. Оркестр встретил нас бравурным маршем. Принарядный широкоплечий моряк, командир экипажа А. Татаринин, сказал просто, но вольнолюбивую речь:

— Вот, видите, стоят вояцкие корабли, вам придётся возродить их. Это трудная работа, но мы, старые матросы, надеемся, что питерские комсомольцы выполнят с честью свой долг перед Родиной.

Когда батальеры выдали всем брезентовые кофты-дубленки, подышали в них. Молодые моряки стали внешне удивительно похожими один на другого. Пошли разговоры: почему такое обезличивание, когда выданы нам дубленки, отпустили в город? Командиры улыбались и загадочно отвечали:

— Сначала будете «салями», до присяги, а вот на парад выданы. После присяги имеем право носить дубленку. Без дубленки в город никто не отпустит, — это запомните хорошо: пойдёте в самовольную отлучку — «туба».

Но все соглашались с таким строго заведенными порядками. Иные требовали «влясть в ЦК», трюндались, разболтались эти старорежимные заманки, но вскоре пооблажились, привычки и полюбили дисциплину.

Нам предстояло оканчить строевую учёбу к 10-й половине мая. Красная Армия, а до этого оставались всего второго месяца. Четыре роты, прибывшие в экипаж по обычной мобилизации, занимались строевой подготовкой уже больше трёх недель. Нам нужно было не только трёх, но и пять рот. Это была сложная задача, но ребята выжили за её решение с большим водейством.

Уже через две недели командир батальона, старейший полковник русской армии, перешедший тоак в строевой подготовке людей, сказал, что, пожалуй, 5-я рота действительно обгонит другие роты.

В тот же день до принятия присяги был инспекторский смотр. Приехала членица Военного совета и работница штаба флота.

Военный совет призвал 6-ю, комсомольскую, роту учиться в экипаже. Командующий флотом похвалил нас с успехом и силой:

— Хорошее впечатление получил наш флот. В первой шеренге стоял скромнейший из комсомольцев саратовен Ваня Волков с орденкой, который заменил в роту. Только этот день мы узнали, что среди нас есть кадет берегового ордена. До инспекторского смотра Волков никому не показывал орден, но когда вступил в героический подвиг в дни гражданской войны.

В тот день нас впервые уволили из нас берега, то есть в город. И мы, сияя золотом лент, на которых было написано: «РКК Черноморский флот», — шли по широкому улице Севастополя. Фотографы в этот день сбегались с нас: каждый спешил послать домой карточку.

Через два дня — 23 февраля 1923 год — на Искровский плацдарм мы принимали присягу. Опилившись штатками, стояли матросские батальоны и дружно повторяли слова присяги. Этот момент нельзя забыть никогда. Тысячные толпы народа смотрели на нас глазами всей Родины. Это чувствовал каждый молодой воин, находившийся на плацдарме.

• • •

Никогда ещё школы учебного отряда не видели такой бойкой, талантливейшей аудитории. Команды отряда — лучшие флотские. Это были оживлённая, активная масса, крепко спаянная единой волей, сплочённая вокруг партии большевиков и воспитываемая на идеях партии.

Команды отряда — лучшие флотские. Это были оживлённая, активная масса, крепко спаянная единой волей, сплочённая вокруг партии большевиков и воспитываемая на идеях партии.

Помимо программной учёбы в школах работали десятки различных кружков. Одни изучали историю большевистской партии, политическую литературу, художественную литературу, другие занимались художественной самодеятельностью, третьи — спортом. Ожили клубы шлюток и кораблей. В каждом соединении существовали свои драмкружки, обычно коллективные ещё в Ленинграде. Матросы сами писали песни, стихи и сами же исполняли эти произведения на эстрадах и сценах клубов.

Помимо инсценировки, инсценировку коллективно писали группы «Красная шлюпка», Инсценировка называлась «Скоро в море!» Сколько выдумки, живого творческого огня было вложено в содержание этой неапативной литературной композиции! А с какой радостью

встретили её зрители! Она отвечала на их самое сокровенное желание: «Корей бы в море!»

Крейсер «Коминтерн» стоял со взорванными минами у стенки морского завода. Сотни комсомольцев огибали его от ржавчины, выносили из трюмовых помещений. — «Итак, течение двух десятилетий, вместе со старыми матросами ремонтировали механизмы.

1 мая 1923 года крейсер вышел в море. Проводил его вице-Севастополь, столпившийся на бульваре и набережной. Злые языки шептали, что крейсер идёт не своим ходом, а будто тянет его на буксире подводная лодка. Но вот корабль красиво развернулся за боновыми заграждениями и, вступив в густые клубы дыма, прибавил ход и скрылся с горизонта.

Это были радостные дни возрождения флота. Вскоре вышли на рейд канонерские лодки, два малых яхты миноносцев Севастополя. — «Итак, в «Мирке», а также большая флотилия траулеров. Осенью 1923 года вся эскадра прошла вдоль берегов Чёрного моря, побывав в Одессе, Феодосии, Керчи, Сухуми, Батуми. Это был первый поход советского флота в составе свыше двух десятков вымпелов.

• • •

Комсомольцы флота остро реагировали на политические события, происходившие в те дни. Помню, в мае 1923 года английский министр иностранных дел Лорд Керзон прислал провозглашение вступать советскому правительству. Сильно ответил страна на этот выходку зарвавшегося империалиста. В Севастополе, так же как и во многих других городах страны, происходили многотысячные демонстрации. Мы были тогда в отрядах города стрелковых ридан, без оружия, по-строему чеканя шаг. На Интернациональной площади состоялся митинг. С балкона флотского клуба говорили ораторы.

— Мы просим партию большевиков и наше родное советское правительство, чтобы они в своей международной политике были твёрдыми, как железо, как сталь. Мы, военные моряки, заверяем товарища Ленина, что, если по-требуется Родина, мы выступим все, как один, на защиту берегов советской земли и будем защищать свою Родину с достоинством и честью своих вымпелов.

Зимой 1924 года умер В. И. Ленин. На ртовом партийном собрании десятки комсомольцев подали заявления о приёме их в ряды партии. Каждый вкладывал в эти слова заявления одну мысль, что он, молодой моряк-комсомолец, своим вступлением в ряды партии желает восполнить хоть маленькую частьную опрощенность в работе партии большевиков. А несколько дней спустя мы стояли, обнажив головы, на той же Интернациональной площади и под рёв корабельных сирен плакали, уносим мысленно туда, в Москву, на Красную площадь, где хоронили Владимира Ильича. Мы вслух читали в ротак экипажа товарища Сталина, особенно запомнилась слова о Красной Армии и Красном Флоте. Каждый из нас отвечал стране, народу, партии, большевикам. Имя Ильича вступил в ряды партии. Мы слыли к тому, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!

Осенью 1925 года прибыл на флот Андрей Марин, командир группы «Красная шлюпка» из Гормы. Французское правительство под давлением трудящихся масс было вынуждено освободить великого военного моряка французского флота, делавшего французского парламентария Андре Бобуа. Желая вернуть его в ряды шараф, ограждая от холода, а он — вселенный, жизнерадостный — ходит по кораблям, беседует с моряками, рассказывает о своей борьбе, чувстве и широким плечах.

— Я переживаю второе рождение! — возбуждённо говорит он. — Я попал в какой-то новый мир, где только один советский воздух целебнее всего лекарства на свете. Мои недуги

Морская пехота.

проходит с быстротой, недосигаемой для обычной медицины.— шутит Аяда.

После собрания в клубе моряков мы схватили его на руки и понесли по улицам города в номер гостиницы. Мы несли французского моряка-революционера, вели «Интернациональ» и «Марсельезу», и он говорил что-то на слухом, к сожалению, неизвестном нам языке и плавал слезами радости.

Севастополь — город традиций. Мы изучали военную историю черноморских моряков не только по книгам и музейным реликвиям, но и общаясь с живыми людьми — современниками бурных революционных дней. К нам приходили на корабль добровольцы и отаковцы, рассказывали о своих схватках с самодержавием. Наша 5-я рота участвовала в охране помещения клуба, когда там шел суд над бывшим офицером Ставраня, командовавшим расстрелом лейтенанта П. П. Шмидта. Мы прослушали весь этот интересный процесс.

В клубе волонеров мы смотрели на обгоревшее крестом красное знамя, которое сшили матросы французского линкора «Жюстин» в ночь на 21 апреля 1919 года. Под этим знаменем они сошли на берег и вместе с русскими рабочими демонстрировали по улицам Севастополя. Это знамя несли во главе огромной колонны демонстрантов. Оно упало после первого залпа греческих пехотинцев и французских гауссариюнов. Знамямонец был убит, падшие рядом матросы ранены. Но они, облившись кровью, отползли вместе со знаменем в переулок, егнали его с древки и передали русским рабочим.

На этом формировалось наше сознание, расширялись политические горизонты.

Под руководством партийных организаций комсомольцы показали себя стойкими воинами, тружениками, борющимися за порядок и дисципли-

ну. Они становились коммунистами, вожаками масс. Уже в 1925 году партийные организации Черноморского флота выросли примерно втрое, главным образом за счет комсомольцев первого и второго призывов на флот.

Мы стали строже в поведении, в быту, во живая, горячая юность продолжала бить ключом во всех проявлениях нашей повседневной жизни. И суровые, трудовые будни становились романтикой. Мы добили шутки, солбуя матросскую поговорку, хорошую песню и пляска.

Осенью 1925 года — первый грандиозный поход двух наших минноносцев в Турцию и Италию. Экипажи этих кораблей на три четверти состояли из комсомольцев. Поход затронул всех его участников. Военные моряки в походе показали образцовую дисциплину, выдержку, организованность. Все прогрессивная и даже реакционная пресса портовых городов, где побывали черноморцы, отмечала безукоризненное поведение советских моряков. Газеты, сравнивая советских матросов с английскими, немецкими и американскими, подчеркивали, что большевики не пьянствуют, не гробят бакинцев. За все дни посещения зарубежных портов не было ни одного пьяного или содержанного морской полицией. Журнал одной итальянской газеты реакционного направления удивленно писал:

«Лица у матросов спокойны, интеллигентны, все они какие-то стройные, подтянутые. Чистые и разглаженное обмундирование у них хорошо пригнано, очевидно, шито у самых модных портях. Не шучу, большевики посадили на корабли студентов из университетов и сделали их матросами...»

На кораблях была рабочая и крестьянская, прошедшие большую школу политического и воинского воспитания на флоте. Это были наши

комсомольцы. Они росли, учились, становились зрелыми политическими вожаками. Многие потом пошли в военно-морские училища, надолго связав свою судьбу с флотом.

И когда в 1926 году мы проходили демобилизованных нашего набора, то в общем виде, конечно, идущим на север, ленинградских матросов уже было всего меньше. Это означало, что многие из них надолго остались укреплять флот. Остался на флоте и я...

Шефство комсомола над флотом имело огромное значение для укрепления морской мощи страны. Комсомол в течение нескольких лет послал на флот многие тысячи юношей, заложивших корабли, школы, училища. Комсомол собрал значительные средства на постройку боевых кораблей и следил за их созданием, помогая заводам, научным учреждениям, проектирующим новые боевые корабли.

Бывших комсомольцев сейчас можно встретить на постах командующих флотами и флотилиями, начальников центральных управлений Министерства вооруженных сил. Вице-адмирал В. И. Платонов, командующий Северным флотом, — бывший комсомолец нашего набора во флот. Адмирал А. Г. Голово, вице-адмиралы Харамов, Фролов, Холостиков, Исаиченков, контр-адмиралы Комышкин, Юрковский, Игнатьев, Бондаренко, генерал-майоры Лебедев, Рябов, Рыбаков, Филаретов, капитаны 1-го ранга Вельский, Морозов, Моравинов и многие другие — это тоже бывшие комсомольцы.

Двадцать пять лет прошло с тех пор, но память крепко держит дни нашей боевой юности, первые шаги молодых моряков — посланцев комсомола.

Театр имени Ленинского комсомола. Сцены из спектакля «Русский вопрос». Слева: Макферсон — народный артист РСФСР и УзССР И. Берснев, Гарри Смит — артист А. Пелевин. Справа: Гарри Смит и Джесси — заслуженная артистка РСФСР В. Серова.

История возникновения Театра имени Ленинского комсомола необычна. В состав его труппы вошли талантливые молодые рабочие и работники московских фабрик и заводов.

Было это в 1927 году — 20 лет назад. На экзамены, которые необходимо было сдать для поступления в труппу театра, собралось более 400 человек. Никто из них не имел театрального образования. Но всех их объединяла молодая, горячая, преданная любовь к искусству. Многие из них уже в то время играли в драматических самодеятельных кружках.

Из 400 человек, после тщательного экзамена, было отобрано 60 человек. Так возник новый театр.

Последующие годы были годами совершенствования и созрания молодого театрального коллектива. Наряду с работой над новыми спектаклями молодые артисты изучали историю и теорию театра, учились, овладевали высотами культуры.

Постепенно театр выработал свой стиль, находил свою тему, своё творческое лицо.

В труппу приходили всё новые и новые силы. Среди ведущих актёров, пришедших в театр, есть несколько несомненно талантливых учеников К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Это народные артисты РСФСР С. Бирман, С. Гиацинтова и я. В. Духовиц, наши учителя, великих реформаторов театра, мы воспитываем молодое поколение актёров.

Воспелась в состав труппы вошли талантливые актёры, уже давно работающие на сцене, — заслуженные артисты РСФСР О. Фредли, А. Божя, артисты В. Везюлов, В. Марута, С. Клиганин, А. Шатко, К. Кручинина.

К числу основных исполнителей театра необходимо добавить имена заслуженных артистов РСФСР В. Соловьёва и В. Серовой, артисток Е. Фадеевой, Н. Кутасовой и ряда других, чьи яркие таланты выявились в последние годы.

В 1938 году театру присваивается почётное имя Ленинского комсомола.

«Имена Ленинского комсомола... Это — не только название нашего театра, но и его программа. Всем своим творчеством мы обращаемся к молодым людям сталинской эпохи — зрителям живым, отзывчивым, темпераментным. Мы хотим участвовать в воспитании молодого поколения в духе советского патриотизма, помочь зрителям понять великие идеи и дела настоящего, тайфой поступать шагнуть в будущее и выбрать себе единственно правильный жизненный путь — путь верного и беззаветного служения Родине.

Задача воспитания зрителя, в частности молодёжи, требует обращения театра к вопросам современности, ибо вне связи с современностью нет искусства.

Прочная творческая связь с драматургами — один из принципов работы нашего театра. У нас дебютировали Б. Горбатов, Б. Ласкин, В. Кнехт, Ш. Герпель, О. Лятковский и другие. Особую характерную в этом отношении творческую связь театра с К. Симоновым.

Народный артист РСФСР и УзССР И. Н. БЕРСНЕВ

НАШ ПУТЬ

Наша встреча с К. Симоновым произошла в 1939 году и превратилась в долгую, плодотворную дружбу. Театр вопреки многим представлениям встал на первую пьесу молодого поэта — «История одной любви». Во время работы над ней зародилась идея второй пьесы К. Симонова о молодом человеке нашего времени. Она получила название «Парень из нашего города», обвила все сны страны, удостоилась Сталинской премии и пережила свою юную молодость во время Великой Отечественной войны.

Все последующие пьесы К. М. Симонова (включение составляют «Русские люди») были написаны для нашего театра, в содружестве с ним и впервые поставлены у нас.

Чем вызвана эта дружба? Что рождает драматурга и театр? Наша печать неоднократно отмечала, что К. Симонову свойственны острое чувство современности, умение ответить или по крайней мере затронуть тот общественный вопрос, который в данный момент волнует народ. Это драгоценное качество советского искусства мы стремимся всячески развивать в Театре имени Ленинского комсомола. Но почему так крепка дружба театра с К. М. Симоновым?

В короткой статье нет возможности остановиться на всех темах, разрешении которых ставит своей целью театр. Отметим лишь главное — что, что волновало наш коллектив и что нашло отражение в репертуаре.

Для театра имени Ленинского комсомола очень большое значение имеет тема молодости, точное создание образа молодого человека нашего времени и его героические дела, напряжённые будни, мечтанья. Наиболее значительными спектаклями этой темы являются «Как закалялась сталь», «Парень из нашего города», «Юность отцов». Молодёжь воспринимает поставленные нами пьесы «Галмиа» и Ш. Птока, «Крылатое племмя» А. Первенцева, «Большие надежды» В. Каверина, «Школьные товарищи» Б. Ласкина.

Но в репертуаре театра удержались только те спектакли о молодёжи, где тема была выдана не с глубоким общественным звучанием и исторической конкретностью, что давало возможность актёрам создавать полноценные в художественном отношении спектакли. Это «Парень из нашего города» и «Юность отцов». Интересно, что в настоящее время спектакль «Парень из нашего города» играет новое поколение труппы

и смотрят выросшие за последние 6—7 лет молодые зрители. Возбуждается в этом спектакле и новом оформлении спектакль «Юность отцов». Главные роли в нём будут играть молодые актёры, окончившие студию нашего театра, организованную в 1943 году.

Последние два десятилетия всё переломное и прогрессивное человечество ведёт борьбу с фашизмом, этим страшным порождением капитализма. Советскому народу, в частности молодому поколению нашей страны, выпала на долю великая миссия освобождения народов мира от угроз фашистского порабощения.

К теме борьбы с фашизмом неоднократно обращался Театр имени Ленинского комсомола. Этой теме посвящены спектакли «Русский вопрос» и «Под вымпелом Праги» К. Симонова, «Семья Ферелли» Л. Хельман и другие.

За 20 лет театр осуществил постановки многих пьес классических авторов — Толстого, Тургенева, Горького, Ростана, Лопе де Вега. В этих спектаклях мы стремились воспринять предвиденные черты эпохи, исторически верные типы и характеры, и, главное, воплотить идейное содержание драматических произведений средствами, свойственными творческому облику театра, его взглядам на театральное искусство. Всё это требует от актёров проникновения в глубины человеческого духа, строгого чувства значения каждого из писателей, поэтического влюбления.

Большим событием в жизни театра была поездка в Югославию. Мы прибыли в Югославию два с половиной месяца. За это время мы сыграли 62 спектакля в девяти городах, дали 17 концертов в военных частях и крупных предприятиях, в частности на строительстве железной дороги, которую осуществляла югославская молодёжь.

Восторженный приём, оказанный театру в Югославии, свидетельствует о том, как велик авторитет Советского Союза у братских славянских народов.

Большой радостью для нас было решение городского отбора (муниципалитета) Скопье о переименовании одной из улиц города в улицу Ленинского комсомола. Правительство Югославии наградило 20 работников нашего театра орденами республики.

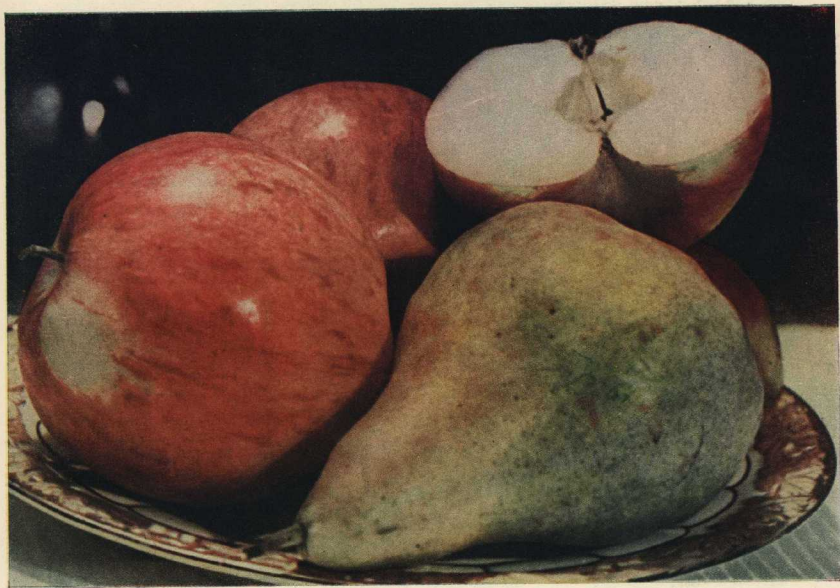
Нашему театру 20 лет. Мы только в начале пути. Нам ещё много предстоит совершить.

Большой творческой мечтой нашего театра является создание спектакля о наших вождях — В. И. Ленине и И. В. Сталине.

Мы уже начали работать над осуществлением этой задачи. В театре начались репетиции пьесы И. Попова «Семья» — о юности Ленина.

По заказу театра награжд Сталинской премией А. Антоновская пишет пьесу о молодости товарища Сталина.

Создать спектакли, достойные народа великой эпохи, нашего героического народа, столь любящего искусство, столь заботящегося о нём, — это желание положено в основу работы всего творческого коллектива Театра имени Ленинского комсомола.

Фрукты

Цветное фото И. Шагина

АМЕРИКА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦА

Больше ста лет назад — в 1842 году — Чарльз Диккенс посетил Америку. Английский писатель сдал в Коннектикуте свое первое впечатление чуждому, ослепая увидеть в молодой стране «Республику своего воображения». Но Диккенс ошибся. То, что он увидел там, пошло от его разбитого сердца. Особенно во многом писателя удивило рабство в южных штатах. Вернувшись на родину, Чарльз Диккенс вылился в свет «Американские заметки». Пресса США, по мнению которой свобода почти существует только в штатах, пришла в штыки книге Диккенса. Особенно неинтересно читать южных, рабовладельческих штатов, обрушившись на чужеземца, осмеивающего често высказав свой взгляд на развитие американских порядков. «...После четырехмесячного пробега по такой стране, как наша, он мнит себе вправе вывести приговор национальному характеру и учреждению... — возмущение перед его дерзостью сменяется с сожалением о его безумии...» — писал «Южный литературный вестник», издававшийся в те самые штаты, где людей травили собаками, свалили в ямы только за то, что они негры, рабы.

С тех пор прошел целый век. Рабство в Америке формально отменено. Негр работает те же права, что и белый человек. Так говорят конституция. Но в действительности это не так. Хваленый американский «прогресс» уживается с судами Линча, с надписями на ресторанах «здесь вход запрещен», с системой государственной дискриминации негров. Но пусть попробует кто-нибудь критиковать эти порядки! Реакционная печать порежет ему, так же как и в 1842 году, обрушится на его личность.

Предвзятый экономический кризис, последовавшая за ним депрессия вскрыли во всей полноте социальные противоречия, характерные для капиталистической Америки. Линия раз повторилась: любовь к деньгам — основа «соборной» жизнеспособности американского капитализма. Под давлением фактов разрушались всякие иллюзии о «благородности» и «экономическом гении» Америки, которыми буржуазия посредством прессы, радио, кино, литературы дурманит народ.

В тот период в США выросла группа революционных писателей. На их произведения почти не было цензуры и цензуры появились произведения, в которых внимание читателей привлекало не столько, как раньше, искусство, а любовь к народу — качества, выгодно отличавшие эти произведения от произведений, сотнями появлявшихся и появляющихся ныне в многочисленных желтых еженедельниках. Буржуазная критика пыталась представить

Альберт Мальц «Такова жизнь», «Библиотечка ювенила «Огонек», 1947 год, 48 стр. Тираж — 100 000 экзemplаров.

Судя по следствию случайно приоткрыто таинственные двери «черных лабораторий». Только союзу крупнейших тузов американской промышленности удалось сделать это. Существование «черных лабораторий» мало способствовало повышению доверия не только к их владельцам, но и к тем, кто допускает их функционирование.

«Черные лаборатории» — это органы научной разведки и диверсии. Они работают в полном мраке, скрывающемся их деятельностью, — отсюда и название «черные». Представьте себе, что капиталист вкладывает громадные деньги в создание своего предприятия, выпускающего электрические лампы. Машины, запасы сырья — все приспособлено к производству этой продукции. Другой предприниматель конкурент — источник освещения, основанный на другом принципе. Что делать? Срочно перестраиваться, терять громадные убытки? Есть другой выход — создать совершенно новое изобретение, прежде чем кто успеет стать на ноги. Помочь сделать это — одна из задач «черной лаборатории».

Точно такая история произошла в американской компании «Бестери Индустри», взявшей

эту молодую революционную литературу как явление неэкзотичное, разрывающее с традицией классической американской литературы. (Ведь нельзя же упрекать американскую писателя в неэкзотичности с условиями жизни в Америке) Но в действительности это вовсе не так. Революционная литература обрывается на неэкзотичности традиции, прокладывая через свою классическую литературу США. Один американский критик повесил этому вопросу специальное исследование, в котором он высказывает свое наиболее благоприятное суждение об американской литературе, начиная с гражданской войны 1861—1865 годов, было именно творчество писателей-гуманистов, проливающих кровью против расовой силы капиталистического угнетения народа.

Молодая революционная литература является прямой наследницей классической американской литературы. Именно она хранит и развивает демократические и гуманистические традиции, вдохновляющие великих писателей Америки. Именно в ней получает дальнейшее развитие искусство реалистического изображения жизни.

Как же видит читатель американский писатель американскую действительность?

Альберт Мальц — писатель молодой, но своим произведением уже выделившим себя популярностью. Одной из лучших его вещей является повесть «Такова жизнь», уже переведенная на русский язык и переизданная недавно в издательстве «Юности».

Округ Каролина в южном штате Луизиана, Хлопок. Лачуги негров-идальщиков. И, словно оазис, поместье крупнейшего плантатора Смоллуда. Здесь развратятся действие повести.

Шериф Смолду со своим помощниками едет к плантатору. Пьяное животное, с ласковой философией, он не знает, зачем его вывал Смолду. Ему это и неважно. «Бонди, Чарли, деньги! Умный человек пойдет перед тем, у кого они есть. Я лизку ко-кому пятку, а те, кто от меня зависит, лизнут меня». Смолду не знает, что и сказать. «Бонди, Чарли, вывал плантатор. Молодой негр Джордж Бичер ударил белого надсмотрщика. Правда, он ударил его, желая спасти девочку-негритянку от изнасилования, но все равно, он совершил страшное преступление, осмеиваясь поднять руку на белого. Даже Смолду, считающий себя либералом, не может пройти мимо этого.

«Ты не думай, Джордж, что можно ударить белого и остаться безнаказанным. Как мне ни жалко, но должен будешь убраться в этом. Ты должен понять, в каком мире мы живем».

Но из всех участников этого разговора один только Бичер понимает, что это за мир, в котором они живут, — мир беспринципа, мир власти белого над «черным, мир омерзительный и

уродливый, где один должен лизать сапоги у другого. И он не может примириться с действительностью американского общества. Эти представления белой расы, расы господ, принимают этот мир таким, как он есть. Они считают, что все в этом мире правильно, все идеально. Негр не имеет права поднять руку на белого человека, белого человека. Белый негр должен быть наказан. Только вопрос о том, как должен быть наказан негр, возмущает у них равнодушие. Шериф хочет показать негра по-своему, по-белому. Смолду же хочет, чтобы Смолду проглотил этому, тем более что на плантации горячее время и рабочие нуле очень нужны. «Возьмите с собой Бичера и заставьте в самую плохую камеру, какую только у вас найдется. Кобы не давайте. Давайте ему раз в день тарелку какой-нибудь бурды. И больше ничего не делайте — забудьте о нем. Я думаю, после того как он поест этот голодный день два-три, плантация покажется ему раем. А в следующий раз поймают как следует, прежде чем замаяхивать на белого».

Только в душе преирает Смолду. Ему неперенят этот «интеллигент». Пристрелить и все тут — вот как следует наказывать «черных. Неуго с ними церемониться. Но Смолду негод, от одного его слова зависит, быть или не быть Токьюа шерифом, и Токьюа полагается. На обитании пути он даже кучишат задание богача. Он упрекает Бичера судам Линча. Он уверяет его, что возмущенные белое со всей округи гонятся за ними по пятам, чтобы прочесть Бичера по «благородному человеку». Токьюа доводит Бичера до состояния отчаяния, и юноша на полном ходу выбрасывается из машины. «Перевоспитание» негра закончено: он лежит на дороге с проломленным черепом.

Вот что рассказывает американский писатель об американской жизни. Самая поседневная картина из жизни «благословенных» Соединенных Штатов. Получается, какая жалость — негр ударил белого на дороге с разбитым черепом.

Какая же разница между той Америкой, которой возмущался Диккенс, Америкой, где рабство было узаконено, и Америкой, которую показывал Альберт Мальц, где рабство еще существует?

Практически никакой. Как и столетие назад, негр не считается еще человеком. Только в первом случае печать обрушилась на Диккенса, обвиняя его в том, что он «осмеивал» лишь после четырех месяцев, проведенных в США, повесть об американских порядках, которых у юбки не смог ни понять, ни разгадать, а в настоящем случае это было и неважно. Американский писатель, всю свою жизнь проживший в Америке, хорошо знает американскую действительность, и его трудно упрекнуть в неэкзотичности с ней.

Юрий СМРНОВ

ЗА РУБЕЖОМ

«ЧЕРНЫЕ ЛАБОРАТОРИИ»

под svou новую истинную осмещения — «ламу олевого источника». Эта лампа, в которой нет ниши накаливания и которая работает благодаря благодати электротехнического разряда парах ртути, представляет большой шаг вперед: она даёт экономно электротенер, свет ее чрезвычайно благоприятен для глаза человека. Но данный изобретатель и главный конкурент для предпринимателя, выпускающих лампы накаливания, его появление служит малю приятного и вадельным электростанций. «Черные лаборатории» Бестери Индустри и Ютэри Индустри — это американские конкуренты для предпринимателя, выпускающих лампы накаливания, его появление служит малю приятного и вадельным электростанций. «Черные лаборатории» Бестери Индустри и Ютэри Индустри — это американские конкуренты для предпринимателя, выпускающих лампы накаливания, его появление служит малю приятного и вадельным электростанций.

Другой задачей «черных лабораторий» — создание «лампы-хищницы». Современные лампы

накаливания благодаря постоянному усовершенствованию, потребуют электрической энергии все меньше и меньше. Это причина больших убытков для электростанций капиталистов. И вот в «черных лабораториях» делается заказ: наладить выпуск ламп, которые спустя некоторое время после начала эксплуатации брали бы энергию больше, чем обыкновенные. Потребность человека в электрической энергии выделено «блестящие». Широкой эксплуатацией этих «лампы-хищницы» поменяли, как говорится, «чезновидность».

«Черные лаборатории» в том же другом виде существуют при каждом крупном американском объединении промышленных предприятий. В них работают только «свои», опытные люди, имеющие высшее образование и прогресса ради личной выгоды. Они торжуют внедрение новых, более совершенных сплавов, новых пластмасс, машин, аппаратов.

Они указывают, как можно контролировать любое новое «контактное» производство, если оно невыгодно капиталистам.

«Черные лаборатории» — уродливое детское изобретение.

Мы в академии в просторное здание Дворца культуры Автозаводского завода имени Сталина. Мимо заводских комбинатов, заполненных шумной детворой в залах галереях, поднимаемся на второй этаж. Здесь помещается изостудия, в которой сплелись многие молодые художники москвичи.

Комната агромашины мольбертами, стенами её усажена картинами, рисунками. На столах и шкафах гипсовые копии латинских скульптур — принадлежность каждой художественной студии. Перед мольбертами стоят и сидят юноши и девушки с кистями и карандашами в руках.

Художачий юноша в военной гимнастике с задумчивым и серьёзным лицом, М. Горшков, пишет картину, посвящённую Великой Отечественной войне. На холсте голубоватая вода Волги, берег, на котором группа безстрашных русских солдат отбивает вражескую атаку.

— Мне, — говорит он, — повезло: я стал быть участником Сталинградского эпизода. Я пишу всё так, как было. Это берег, на котором мы держались много часов, это все мои товарищи, каждый из них я знаю по имени и фамилии. Но не только портретное сходство старшее я пытаюсь мне хочется выразить и довести до зрителя те высокие, благородные чувства, которые прецедили им и руководили ими в голубой туманной испытаний: бесстрашие, убежденность в правоте своего дела, уверенность в победе, горячую любовь к Родине. Не знаю, удастся ли мне осуществить всё-таки замысел, но прилагаю к этому все силы.

Нелазеко от М. Горшкова ра-

Граверша на линолеуме А. Калашникова «На реке Мисс (Южный Урал)».

ботает Р. Золотая. Она пишет в светлой гамме крошечные натюрморты. Ещё изодрал — группа студийцев. Одни из них рисуют с натуры с находящихся перед ними предметов, другие пишут мифологические композиции, третьи работают над пейзажем.

В просторном оном виднеются многочисленные живописцы, строится, живописные стены старинного Симона монастыря, расслаиваются вдали остринга города. Пейзаж пастозно интересен, разноконтрастный и яркий, что так и прорывается на холст. И действительно, разглядывая рабо-

В изостудии Дворца культуры Автозавода имени Сталина. Справа — учащийся студии Олег Букашев.

Фото Г. Борисова.

В. ОСОКИН

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

ты студийцев, мы на многих из них видим близкий и дорогой им облик заводской окраины.

Этой осенью изостудия Дворца культуры Автозавода имени Сталина исполняется 15 лет. Её бесценно руководит художник Д. Г. Соболев, сумевший привлечь учащиеся большую любовь к искусству. В студии два отделения. В первом занимается подростки 13—17 лет, во втором — молодёжь старшего. Согласно этому делению и составлена программа практических и теоретических занятий по живописи, графике, скульптуре. В студии обучаются преимущественно молодые рабочие Автозавода, но, кроме них, есть учащиеся окрестных школ ФЗО, а также колхозники близлежащих сёл.

Многие из бывших студийцев работают теперь в художественной промышленности, другие являются специалистами народного хозяйства, инженерами, техниками. И почти все из них до сих пор поддерживают творческую связь со студией.

Вот и сегодня приняла сюда бывший воспитанник студии Н. Новиков. Он без отрыва от производства окончил художественное училище. Теперь ему нужно поработать над портретом. И он вспоминает, что непосредственно помощь он может получить в той студии, которой привлек ему рабочему Автозавода, первые навыки в живописи.

Занятия в изостудии ведутся на высоком теоретическом уровне. Здесь есть время поучиться у художников-профессионалов. Часто происходят встречи с крупнейшими художниками и искусствоведами, научными сотрудниками Третьяковской галереи. Большую непосредственную творческую помощь оказывают молодым художникам академики живописи К. Ф. Юон. Чутью просветляется местный живописец к творчеству начинающих, поправляет их, подсказывает решение задач компо-

зи. Принимал участие в жизни студии и народный художник СССР А. М. Герасимов.

Общение с этими и другими мастерами советского изобразительного искусства духовно обогащает студийцев. Советы таких художников, систематически приобщающих одарённую молодёжь к лучшим образцам отечественного искусства, запоминаются на всю жизнь.

Это влияние уже сказалось на ряде работ студийцев. Начинающие художники пытаются внимательно осмыслить жизнь, путём художественного общения глубоко проникнуть в окружающую действительность. Конечно, им это ещё далеко не всегда удаётся. Но характерно — это выгодно отличает студию Автозавода, — что в большинстве случаев учащиеся стремятся передать свой собственный наблюдения жизни.

Вот, например, полотно слесаря М. Гринчука «В цеху завода». В нём правдиво передана жёсткая — трудовая ритика. Сложены, ловки движения рабочих. Труд для них — радость, вместе с этим они переполнены сознанием большой ответственности перед народом, говорит художник языком красок. Чувствуется, что и самому автору картины свойственны те переживания, о которых он рассказывает.

Почти каждый день студии Д. Мининков, когда идёт на работу, любитесь строгими очертани-

Граверша А. Калашникова «Московский Университет».

ями прекрасного подарка советских зодчих Москве — станцией метро «Автозавод имени Сталина». Это легко заметить, по его картине: в любой, любой и старым возводил на волноте её характерный облик молодой слесаря Автозавода.

Блестящево написал ленинской мастершей — незабываемое и величественное здание, где покоится человек, которому мы обязаны счастьем своей жизни. В Жучином своём жилище. В Жуином своём жилище. В Жуином своём жилище. В Жуином своём жилище.

Студия подготовила выставку в связи с 80-летием Москвы. Изображение исторических памятников и событий в жизни древней Москвы — излюбленные темы студийцев. Особенно близка эта тема графикам. Двое из них — Анатолий Калашников и Анатолий Игнатьев — специализировались на гравере, посвящая историю культуры пейзажу.

А. Калашников подготовил альбом граверов, в которых запечатлены все выдающиеся сооружения Краснопресненского района столицы. Эти работы отличаются точностью, знанием и пониманием законов зодчества. Слесарь завода «Деталь» А. Игнатьев изображает большую часть окрестности родного завода. Для его граверов характерна некоторая романтика живописности. Однако этим двум худож-

Рисунки В. Павлова «Красная площадь».

никам следует расширить тематику своих работ, не ограничиваясь исключительно историческими пейзажами.

Большим, оригинальным художественным вкладом в жизнь студии является разработка техники деревянной скульптуры. Это тем более ценно, что подобное мастерство распространено сейчас сравнительно мало. Между тем издавна на весь мир славилась резные деревянные игрушки русских мастеров из Подмоховской, Кировской областей, Архангельского края.

Как живо, смотрит на нас гравер, вырезавший из дерева В. Сергеев. Не менее интересны «Крошечка» работы В. Панфилова, «Сова», «Петух», «Бабушка» и особенно «Олень».

Но и тут студийцы реализуют далеко не все возможности. Почему бы им не перейти от традиционного изображения животных, трюков хотя бы к портретированию оварившейся работы, выполняемой работ на более сложные современные темы?

Велико значение изомастерской в деле активного воспитания советской молодёжи. Её участники на себе испытали трудность военных походов и радость победы в народном, они и в настоящее время участвуют в героическом труде на благо Родины. И они участвую зорко видеть и изображать будущее.

Тугоцкий, новозыкий мяч без единой царапины, терлея и сминая лежит на шесте полая, в самой сережке круга, очерченного белыми и разделенного белым диаметром.

Мяч ещё не принадлежит к себе внимания трибуны. Все смотрит на капитана, которые пожимают руки судье и друг другу. Один из них судит — жребий — вассор ворот. Есть что-то романтическое, рыцарское во всей этой церемонии. Толпа фоторепортеров в упор «растреляна» обнимаями фотомашинными дуплетами, зардевшись от беготни и смущения, спешит совсем маленькое поклоняясь и поклонившись, они прижимают к груди букеты, чуть бы в них самих ростом.

Судья уходит из белого круга куда-то в сторону. Игроки стоят на своих местах, проталкиваясь вольно вперед, обжимаясь на носовые.

Протяжный свисток разделяет над приближением стартового, и центр нападения делает первый удар по мячу.

С этого мгновения всеобщим вниманием овладевает мяч, только что преобладавший в деловом покое, а сейчас свернутый в жаркий омут матча. С этого мгновения за мячом неотрывно следят все, он не выходит из поля зрения судьи и его помощников, игроков, зрителей, мальчиков на побегушках, дежурящих за границами поля, запасных арбитров, сидящих на скамейках за воротами, и тренеров, которые переживают все прищипки игры, радуются и огорчаются, мысленно хвалят или ругают своих игроков, крутят губы от досады или сидят с несомнутым видом, когда в груди жмет восторг.

Мяч не знает отдыха в спокойствии. Он ударяется о сетку, о штанги ворот, катится по траве, описывает кривые в воздухе, идет закружком. По нему бьют бутылки, коленями, руками, ногами. Его выхватывают трибуны, берут в руки полузащитники, когда выносят аут, крайние впазданные кландят его возле угловых флагов, перед тем как подать corner, тщательно устанавливают его на белом кружке, а в одиннадцатых метрах от ворот, перед тем как пробить пенальти. Он влетает в ворота, как шаровая кожаная молния, и в звенящем покое с силой отталкивает вышутые руки вратаря. Мяч вращается в веревочной сетке, как сильная рыба в неводе. То мяч беснуем, то звенит, то жалобно бькает, то сердито ярится, когда на него обрушивается ослепительный удар. Он кружится на месте или остается недвижимо, прижатый к земле ногой, или неожиданно для обоих противников шарообразно катится в бок.

Звучит гонг — победно для выигравшихся, зловоле для находящихся на грани поражения. Ещё пять минут... В последний раз смотрит на секундомер судья, протяжный свисток возвращает к концу игры, и где бы он ни застал мяч, тот сразу останавливается, уже никому не нужная, утратившая к себе всякий интерес судьи, игроков, зрителей. Десятки тысяч глаз, следивших за его медленным, уставо отрывающимся от поля, перестают быть источником спортивного восторга. Кто-то подбьет мяч к центру, судья берет его на ладони и, сопроводившимися движениями, как законченными ассистентами, первым покидает поле.

Но есть среди зрителей чело-

Александр Иванович Мокшов.

Евгений ВОРОБЬЕВ

Бутылки и мяч

век, которого невозможно не только подробности матча, но только поведение футболистов, но и поведение мяча, подвергнутого страшному полуторазасовому потасовке. И после игры, когда трибуны пусты, а футболисты снимают с себя под душем пот, усталость и азарт игры, этот человек не теряет любопытства к мячу, один человек озобочено его видом и самочувствием.

Это Александр Иванович Мокшов, чьями руками шита кожаная побрякушка футбольного мяча.

Он отразился в развлекательных, чуть вынимательно осматривает и осматривает этот выданный мяч мяча, побывавший во всех углах поля, испытывавший удары всех сортов чехарку боти.

Бутылки, в которых играли футболисты, тоже следны руками Мокшова, как и летовательские туфли, в которых бегали участники эстафеты, размытой в перерыве между таймами.

«Мокшовские» мяч, мошкинские бутылки, мошкинские туфли — это звучит как канцелярская оценка качества спортивного инвентаря, как пререксоловая степень прочности и аккуратности.

Но многие ли знают, кому эти мячи, бутылки, туфли, ботинки, перчатки обывской овысы слобод?

О тренерах мы все-таки вспоминаем, к тому же тренерам чаще всего — вчерашние чемпионы, чья мяч ещё не успел позабыть. Но есть детище спорта, о которых мы не знаем ничего, что очень мало.

Александр Иванович Мокшов относится как раз к категории людей, которые не пользуются популярностью даже среди звездатав трибуны и фидукуристов.

Завидчики катков, знающие секрет приготовления льда, глядающие

как зеркала. Механики, готовые моторы мотоциклов, на которых гошники мчатся подобно гуляеюму вергу. Массажисты, умеющие сообщить тебу свежести и новизну сил. Сендвичи и меллоратори спортивных полей, покрытых зеленым травяным ковром, не знающие прогресса, не боящиеся дождя.

Пусть спортивная слава не коснулась своим крылом никого из этих людей и они остаются в тени. Но эти люди многое сделали для советского спорта, а в числе их имен, подобно Александру Иванову Мокшову, отдалли ему всю свою жизнь.

Почащадливший мальчишкой Мокшовым отдалли учиться в Астрахани в шорную мастерскую. Семнадцати лет он приехал на заработки в Петербург и с тех пор работал kolejнником у разных хозяев: у Абрамова, Адама, на фабрике Эрмана. Он делал чепанды, несесеры, сумки для бегатье, малязинки «Гроздьбыки» и «Александр».

Мокшовым увлекался спортом, начал заниматься гимнастикой в общезде «Маяк» и в это же время, в 1909 году, своим первым мяч. После того он далеко ушел вперед в непрерывных поисках язового. Не пский мяч может сравниться теперь с мячом мошкинскового покров.

— Мячик — он круглый, — любит повторять футбольный болельщик, намекая на самый неслодивный и менее сенсационный результат, который может принести предстоящая встреча.

Но «круглый» мячик — лонгнее весьма приблизительно, а Мокшовым добывается для него вадельной формы, приближающейся

к точной геометрической фигуре, к шару.

Мы встретились с Мокшовым в промокшем лешинградском «Динамо», где он выхватывает некоем спортивного инвентаря. Мокшовым очень молодой для своих шестидесяти чехарк лет — крепкобойный, не являющийся сугубости, бригтобойный, с маленькими седыми усиками и внимательными, зоркими глазами. Он работает в своей куртке, при галстуке, очень позитивно ориентируется как и старые мастера, привыкшие к такой работе.

О мячах, бутылках и прочем спортивном инвентаре он рассказывает с радостным возбуждением мастера, поживавшего и горячо влюбленного в своё дело. Он берет в руки из горки белых, желтых и коричневых мячей один, подбирает его на ладони, потом вертлет языком на вышутую вверх ладонь. Он может определить в какой стороне находится мяч с точностью до одного сантиметра, все его — с точностью до десяти граммов и сразу установить, хороший ли он формы.

Мячи шьются из 12, 18, 24 и 32 кожаных сегментов. Чем больше этих долек, тем ближе мяч приближается к форме к шару. Дольки выкраиваются на коже бычьей «выростка» хромовой выделке, из чепрака — самой прочной чести чепрака. Проготовленные дольки крашивают по цвету выветленного, волью выделанной шкуры, — и тогда они меньше растягиваются. Каждая долька выкраивается по металлическому шаблону, а сшиваются они очень точно. Достаточно сдвинуть одну из долек на 1—2 миллиметра — и мяч окривает. Ничто не вернет этому мячу уроду угловатости.

Не одна тонкая выкройка определяет качество мяча. Его ещё следует шить, и шить так, чтобы он был выносливее, выносливее, чем шитье шара. Для этого драчу из беленого льна нашивают специальный варом из капиночки, воска и растительного масла. Прочность и тонкость — вот золотое правило в работе Мокшова.

Много лет под ряд все больше мячи в Ленинграде и многие мячи в Москве играют мошкинскими мячами. Команды вывозили их с собой в Турцию, Чехословакию, Финляндию.

В 1924 году Мокшовым работал при спортклубе завода «Красный путеводитель», он шил первую пару боти для футболиста сборной СССР — Сергея Зиничева. После войны, впоследствии игрока сборной команд Ленинграда по хоккею и футболу. С той поры Мокшовым обува и шил и советские футболисты. Зиничевские мастера, знавшие цену двета Ленинграда и СССР, шили и шью боты и Мокшовым. Он обувал боты и Бабаяна и Михаила Затулинского, Петра Гроздьбыкина, Павла Батырева, Петра Филиппова, Петра Ежова и многих других. Когда-то он шил боты для центрфорварда сборной Ленинграда Григория Архипьевского, а сейчас шьёт для его сына Евгения, играющего в московском «Динамо».

И сейчас люди в шифру устанавливают в каждом из этих футболистов. Была бы, что даява ноги у спортсмена короче, уже правой ноги изнорбод. Для каждой ноги Мокшовым шил свой особый мяч, и Мокшовым часами «колдунал» над ней, то подбьет кусочек кожи на подъеме, то подчешит пятку.

Нападающие любят явки, отлогий носок, защитники — носок поперек. Задники у бутц должны быть жесткими, чтобы они не гнулись, даже если на них встать ногой. В носок подкладывается «бомба» — подкладка из подовинной кожи. Чтобы носок не боялся сырости и не размякнет, эту подкладку, жесткую, как жест, обшивают спиртовым лаком. Кожа спутка поджаривается и становится водонепроницаемой. Ленинградцам, пожалуй, еще чаще, чем москвичам, приходится играть по лужам, в сырых и даже в снег.

Помимо бутц, Мокшанов шьет для велосипедистов туфли с поперечной набойкой и крошечные, хотя и соскльзывают с педалей; туфли из мягчайшей кожи «шлепки» для гимнастов; бутки для борьбы «самбо» с явными мускулами пятачками из кожи, предохраняющими косточки ступни при «подсечках»; туфли для метателей, снабженные явными шпильками; бутки для борцов с рессивной колодой; туфли для стайеров, очень легкие, с каучуковой набойкой на пятке.

В «мокшиновских» туфлях устанавливали рекорд по метанию молота Александр Шехтлов, рекорд по метанию копья — Людмила Анюкина, бежал в Оledo на переноске Европы марафонец Яков Пушкоч.

23 августа 1947 года на московской стадион «Динамо» победил встречный олимпийский победитель марафонского бега Василий Гордиенко. Имя Гордиенко было в тот день у всех на устах, может быть, сотни—другая людей знала имя его тренера — Никифорова. А вот многие ли знали, что Гордиенко пробовал эти соружа для олимпийского километра в туфлях, сшитых для него Мокшановым? И как жаль, не Мокшанов ли обязан Гордиенко несколькими секундами или их долями, сбросившими со старого рекорда?

Помимо обуви, цех, которым руководит Мокшанов, изготавливает инвентарь, необходимый для тренировки боксеров, обшивает гимнастических ковер, а может быть, и мяч—велкан для силовой игры—пуфлик. В высокой требовательности к себе, своим мастерам и подмастерам, к поставщикам сырья, в

самоотверженной любви к своему делу, к спорту и саудает окант секрет успеха Мокшанова. Он нередко выслушивает от спортсменов слова благодарности, получает отмены о своем инвентаре, отослуду идут настоящие просьбы прислать «мокшиновские» мячи, бутцы, туфли.

Во время нашей беседы с Александром Ивановичем прислел телеграмму на Киев. Вышанный «кандидат» его, заслуженный мастер спорта Михаил Бутов, яме тренирующий комсуду киевского «Динамо», просит прислать десять футбольных мячей. Уж кто-кто, а Бутов знает их качество, он играл ими без малюга двадцать лет. Пришло письмо из города Кемь на Обь, Алтайский край. Местные гимназисты обращаются к Мокшанову прислать «хоти бы парочку «мокшиновских» мячей».

Как бы ни был велик спрос на изделия его цеха, Мокшанов не снижает требований к ним. Каждую пару бутц он делает так добротой, каждый мяч шьет так, чтобы они посылую помогли рождению нового рекорда.

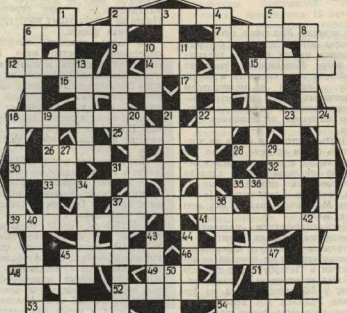
СМЕНА

В Москве

- Дневник пятилетия.
Андрей Досталь — Тост.
Юрий Нагибин, Орест Ровинский — Новая улица.
Лев Галахов — Северная strada.
Тихон Тюрчев — Отизне.
Я. Тауров — Девушка, победившая время.
Бор. Камыр — Реликвию Октября.
П. Мусьяков — Этих дней не забыть никогда.
И. Берсенав — Наш путь.
Юрий Смирнов — Америка глазами американца.
За рубежом. «Черные лаборатории».
В. Осокин — Воспитание молодых художников.
Евгений Воробьев — Бутцы и мяч.
Кроссворд.
Оформление номера художника
В. Урина.

КРОССВОРД

Составил О. Золотухин

По вертикали:

1. Типографский шрифт.
2. Город в Англии.
3. Часть света.
4. Значительное количество.
5. Трава.
6. Древнерусское государство.
7. Заповедник.
8. Округ в Англии.
9. Рукав.
10. Звезда.
11. Город в Америке.
12. Спортивный судья.
13. Тавис.
14. Табак.
15. Тавис.
16. Табак.
17. Тавис.
18. Мухомор.
19. Мухомор.
20. Мухомор.
21. Мухомор.
22. Мухомор.
23. Мухомор.
24. Мухомор.
25. Мухомор.
26. Мухомор.
27. Мухомор.
28. Мухомор.
29. Мухомор.
30. Мухомор.
31. Мухомор.
32. Мухомор.
33. Мухомор.
34. Мухомор.
35. Мухомор.
36. Мухомор.
37. Мухомор.
38. Мухомор.
39. Мухомор.
40. Мухомор.
41. Мухомор.
42. Мухомор.
43. Мухомор.
44. Мухомор.
45. Мухомор.
46. Мухомор.
47. Мухомор.
48. Мухомор.
49. Мухомор.
50. Мухомор.
51. Мухомор.
52. Мухомор.
53. Мухомор.
54. Мухомор.
55. Мухомор.

- ная на географической карте места с одинаковым количеством букв.
1. Город в СССР.
 2. Сорт пшеницы.
 3. Опресненная морская вода.
 4. Кухня.
 5. Судовый прибор.
 6. Подводная лодка.
 7. Пилот.
 8. Командир.
 9. Проломительный аппарат.
 10. Прибор, необходимый для измерения длины.
 11. Физический процесс.
 12. Небесное тело.
 13. Математический знак.
 14. Минерал.

45. Вид стигиотерапии. 47. Распорядок жизни. 50. Травя.

По горизонтали:

2. Ускорение химической реакции, вызываемое особыми веществами.
3. Равноудельная смесь.
4. Пленность.
5. Равноудельная смесь.
6. Натрон.
7. Натрон.
8. Натрон.
9. Натрон.
10. Натрон.
11. Натрон.
12. Натрон.
13. Натрон.
14. Натрон.
15. Натрон.
16. Натрон.
17. Натрон.
18. Натрон.
19. Натрон.
20. Натрон.
21. Натрон.
22. Натрон.
23. Натрон.
24. Натрон.
25. Натрон.
26. Натрон.
27. Натрон.
28. Натрон.
29. Натрон.
30. Натрон.
31. Натрон.
32. Натрон.
33. Натрон.
34. Натрон.
35. Натрон.
36. Натрон.
37. Натрон.
38. Натрон.
39. Натрон.
40. Натрон.
41. Натрон.
42. Натрон.
43. Натрон.
44. Натрон.
45. Натрон.
46. Натрон.
47. Натрон.
48. Натрон.
49. Натрон.
50. Натрон.
51. Натрон.
52. Натрон.
53. Натрон.
54. Натрон.
55. Натрон.

Ответы и кроссворду,

помещенному в № 18

По горизонтали:

1. Рысь.
2. Пепел.
3. Месса.
4. Монитор.
5. Камчатка.
6. Монах.
7. Верста.
8. Лыж.
9. Прут.
10. Афон.
11. Роль.
12. Альфа.
13. Альфа.
14. Альфа.
15. Альфа.
16. Альфа.
17. Альфа.
18. Альфа.
19. Альфа.
20. Альфа.
21. Альфа.
22. Альфа.
23. Альфа.
24. Альфа.
25. Альфа.
26. Альфа.
27. Альфа.
28. Альфа.
29. Альфа.
30. Альфа.
31. Альфа.
32. Альфа.
33. Альфа.
34. Альфа.
35. Альфа.
36. Альфа.
37. Альфа.
38. Альфа.
39. Альфа.
40. Альфа.
41. Альфа.
42. Альфа.
43. Альфа.
44. Альфа.
45. Альфа.
46. Альфа.
47. Альфа.
48. Альфа.
49. Альфа.
50. Альфа.
51. Альфа.
52. Альфа.
53. Альфа.
54. Альфа.
55. Альфа.

По вертикали:

1. Спорт.
2. Алофен.
3. Шлак.
4. Ремиз.
5. Сильван.
6. Колонна.
7. Митра.
8. Тралло.
9. Драга.
10. Хор.
11. Сидок.
12. Драга.
13. Драга.
14. Драга.
15. Драга.
16. Драга.
17. Драга.
18. Драга.
19. Драга.
20. Драга.
21. Драга.
22. Драга.
23. Драга.
24. Драга.
25. Драга.
26. Драга.
27. Драга.
28. Драга.
29. Драга.
30. Драга.
31. Драга.
32. Драга.
33. Драга.
34. Драга.
35. Драга.
36. Драга.
37. Драга.
38. Драга.
39. Драга.
40. Драга.
41. Драга.
42. Драга.
43. Драга.
44. Драга.
45. Драга.
46. Драга.
47. Драга.
48. Драга.
49. Драга.
50. Драга.
51. Драга.
52. Драга.
53. Драга.
54. Драга.
55. Драга.

Редактор — А. СУРОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д-3-34-24.

А-68678. Подписано и печатно 14/Х-47 г.

Заказ № 2487.

Тираж 60 000 экз.

Изд. № 731.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

